

КАБЛУКОВ Е. В.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ⁵

Аннотация: Предлагается новый подход к определению информационной войны как дискурсивного феномена, который предполагает конструирование реальности, причиняющей вред какому-либо объекту либо его образу в медиадискурсе. Заявленный подход позволяет рассматривать информационную войну как фактор, актуализирующий дискурсивные практики идентификации, которые главным образом заключаются в отождествлении субъекта дискурса со «своими» («мы-группа»), а также в противопоставлении «чужим» («они-группа»). Материалом исследования служат тексты российских СМИ за 2014–2015 гг.

Ключевые слова: идентичность, практики идентификации, информационная война, медиадискурс.

Kablukov E. V.

ABOUT ACTUALIZATION OF DISCURSIVE PRACTICES OF IDENTIFICATION IN THE INFORMATION WARFARE

Abstract: The author proposes a new approach to the definition of information warfare as a discursive phenomenon that consists in construction of reality harmful to any object or its image in the media discourse. This approach allows us to consider the information warfare as a factor actualized discursive practices of identification which involve 1) inclusion of the subject in «we-group» and 2) opposition of the subject to others («they-group»). The material of the study is Russian media texts for the 2014–2015.

Keywords: identity, identification, information warfare, media discourse.

Исследователи все чаще говорят о том, что Россия находится в условиях информационной войны (ИВ), при этом порой устраняются не только от научного, подлежащего верификации обоснования данного тезиса [7], но даже от приведения более или менее четких дефиниций ключевого понятия [1].

Мы рассматриваем ИВ как дискурсивный феномен, который заключается в «последовательном и систематическом конструировании реальности, причиняющей вред какому-либо объекту и/или его образу, функционирующему в медиадискурсе» [6, с. 56]. Анализ современного российского медиадискурса показывает, что СМИ действительно создают такую реальность. К примеру, официозные медиа конструируют образ внешнего врага и его пособников внутри страны, что неминуемо приводит к поляризации реальности [4]. Для этого активно используются практики идентификации «мы-группы», то есть россиян, и, самое главное, «они-группы», которая в рамках ИВ приобретает статус врага. Присвоение этих практик субъектами (с одной стороны журналистами и персонажами медиадискурса, а с другой – массовой аудиторией) оказывает влияние

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт «информационная война» как мобилизационный фактор идентификации», №16-04-00460.

на их идентичность. Последняя понимается как условный (то есть никогда и нигде не явленный в своей целостности и завершенности) дискурсивный конструкт, который складывается из множества идентификаций субъекта и в связи с этим характеризуется динамичностью, фрагментарностью и ситуативностью [3].

Перейдем к рассмотрению дискурсивных практик, актуализируемых в условиях ИВ. Материалом для исследования служат тексты официозных российских СМИ за 2014–2015 гг.

1. Наиболее активны практики, конструирующие образ «они-группы» как врага, причем как внешнего, так и внутреннего. Типичными внешними врагами России в рассматриваемый период являются Запад и Украина:

То есть мы, американцы, диктуем правила, создаем критерии и всем выставлем оценки. У кого оценки плохие – наказываем. Ощущение, что кто-то сошел с ума (Киселев Д. Вести недели. Россия-1. 2015. 25 янв.); В вербное воскресенье в православной стране майданутые киевские начальники начали операцию, бросив карателей на город с символическим названием Славянск. Прозвучали выстрелы, которые вполне могут оказаться первыми залпами настоящей гражданской войны (Леонтьев М. Однако. Первый канал. 2014. 14 апр.).

В качестве внутреннего врага последовательно представлена оппозиция, одной из идеологизированных номинаций которой становится фразеологизм «пятая колонна» [5]:

Пораженчество – это даже не тактика рациональных циников. Это суицидальная ненависть. Русофобия – историческое проклятие русской оппозиции. Либо они уничтожают страну, либо они уничтожают себя и вместе с этим всякую возможность оппозиции. А жаль... (Леонтьев М. Однако. Первый канал. 2014. 2 окт.); В наших интеллигентских кругах разразилась дискуссия, которую трудно не заметить. Она проходит в условиях, когда Россия сталкивается с внешними вызовами. Кому-то не нравится словосочетание «пятая колонна», но как назвать тех, кто в момент наступления на нас тут же переметнулся на другую сторону? (Киселев Д. Вести недели. Россия-1. 2014. 14 сент.).

Важно, что приведенные фрагменты не только идентифицируют врага, но и являются актом самоидентификации субъектов, осуществляющих соответствующие высказывания.

2. Практики, конструирующие образ «мы-группы», то есть своих в рамках ИВ, играют второстепенную роль, но также активизируются. Здесь отчетливо проявляются две группы практик.

Первая – весьма обычная – заключается в приписывании «мы-группе» определенных положительных характеристик. Часто это характеристики, демонстрирующие силу:

Да и Россия – единственная страна в мире, которая реально способна превратить США в радиоактивный пепел. И уж не знаю, совпадение ли, но вот позвонил Обама Путину 21 января. Наверное, опять пытался как-то давить. А на следующий день, буквально 22 января, в официальном печатном органе правительства России появляется статья, где вполне доходчиво разжевывается, как работает наша система гарантированного ядерного возмездия «Периметр» (Киселев Д. Вести недели. Россия-1. 2014. 16 марта).

Следует также упомянуть характеристики, демонстрирующие связь с героической мифологией:

Победа 45-го – это в первую очередь победа советской организации производства, без которой не было бы ни Т-34, ни КВ, ни ППШ, ни Ил-2, ни И-16, ни САУ, ни Ла-5, ни «Катюши». Это победа 38-летнего Косыгина, отвечавшего за снабжение и эвакуацию Ленинграда, или 30-летнего нефтяного наркома Байбакова, лишившего фашистов доступа к месторождениям Кавказа. Победа специального комитета ГКО, ведавшего вопросами создания ядерного оружия, без которого России сегодня просто не было бы. Без обращения к опыту той хозяйственной и идеологической мобилизации хватит ли у нас сил и отваги, чтобы устроить фашизму новый Сталинград (Семина К. Агитация и пропаганда. Вести-1. 2014. 9 мая).

Отметим, что идеализация и даже сакрализация прошлого в официозных медиатекстах ведет к воссозданию модели нисходящего исторического процесса, свойственной мифологическому сознанию античного мира [ср.: 2, с. 54–57].

Вторая группа практик связана с идентификацией «от противного», которая осуществляется посредством экспликации отрицательных качеств врага и формирования контрастного образа «мы-группы». Часто атрибутом противника становятся агрессивность, излишняя толерантность, отсутствие реальной свободы и демократии и т. п.:

Мы ведь выше всего этого. Чай не майдан. Здесь никто не разгромит и не сожжет офис радиостанции, называющей ополченцев Новороссии террористами. Никто не обольет зеленкой выжившую из ума актрису, кающуюся от имени всей страны перед цивилизованным миром за сбитый «Боинг». И в провинциальной газете легко и безнаказанно выйдет интервью с боевиком из Самары, рассказывающем о своих подвигах в рядах карателей батальона «Азов». Россия – щедрая душа (Семина К. Агитация и пропаганда. Вести-1. 2014. 15 авг.); Это не наша общая проблема по той причине, что вы развязали войну на Ближнем Востоке. Это не наша общая проблема, потому что мы не разделяем тех ценностей, которые вы пытаетесь навязать в Сирии. Это не наша общая проблема по той простой причине, что сегодня вы должны ответить за то, что вы сделали под лозунгом гуманитарных проблем (Толстой П. Время покажет. Первый канал. 2015. 12 нояб.).

Таким образом, дискурсивный концепт «ИВ» предстает в качестве фактора, актуализирующего практики идентификации россиян – субъектов медиадискурса и, как следствие, субъектов, составляющих массовую аудиторию и принимающих модель идентичности, предлагаемую официозными СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. 2014. № 10. С. 204–208.
2. Гесиод. Труды и дни // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 51–76.
3. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
4. Каблуков Е. В. Концепт «информационная война» в российских правительственных и оппозиционных СМИ // Изв. УрФУ. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (156). С. 45–55.

5. Каблуков Е. В. Метаморфозы фразеологизма «пятая колонна» в современном российском медиадискурсе // *Slavia Orientalis*. 2016. Т. LXV. № 4. С. 805–821.
6. Каблуков Е. В. Парадоксы информационной войны // *Речевое воздействие в политическом дискурсе*. Екатеринбург, 2016. С. 55–58.
7. Макарова И. В., Беззапонный А. С. Информационные войны современности: некоторые вопросы теории // *Общество и право*. 2006. № 4. С. 46–49.